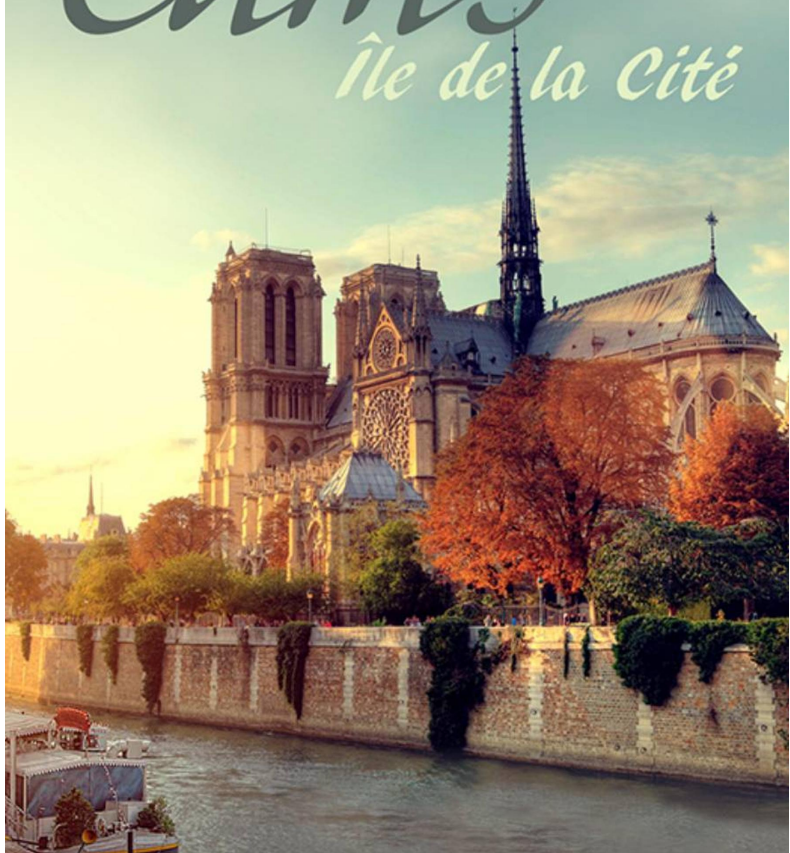

НАТАЛЬЯ ТОЧИЛЬНИКОВА

Ситэ

Île de la Cité

Олег Волховский

Ситэ

<https://litres.ru/74016739>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре года поисков — веры, смысла, свободы. Поэт, которому тесно в любых рамках: церковных канонах, писательских союзах, государственных границах. Стихи о России девяностых и парижских улочках, о средневековых рыцарях и современном одиночестве.

Центр сборника — остров Ситэ: там, где Нотр-Дам соседствует с королевской тюрьмой. Именно здесь «ваганты пируют на носу корабля» — без денег, зато без компромиссов.

Стихи написаны человеком, который не вступает в союзы — ни писательские, ни идеологические, — не потому что чуждается людей, а потому что дорожит тем единственным, от чего не умеет отказаться: «Где свобода — там Бог».

Сборник для тех, кто читал Окуджаву и Высоцкого, любит Средневековье и... свободу.

Содержание

Акафист пустому небу (1998 - 1999 г.)	4
«Поэты, чьи стихи - словесная игра...»	4
«Еще небо не пусто...»	5
«Не печалься, друг...»	6
«Государь мой, я здесь...»	7
«Мои друзья, как я, обречены...»	9
Хроника горящего города	10
«Ах, бабушка...»	11
Упадок Рима	13
Герольд Великого Царя (Франциск Ассизский)	15
«Молитесь же в Вальпургиеву ночь...»	17
«Я пишу вольнодумные книги...»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олег Волховский

Ситэ

**Акафист пустому
небу (1998 - 1999 г.)**

**«Поэты, чьи стихи
- словесная игра...»**

Поэты, чьи стихи - словесная игра,
Подчас лишенная и смысла, и азарта,
Вы все в сегодня, значит - во вчера,
А мы - в позавчера, а значит - в завтра.

«Еще небо не пусто...»

Еще небо не пусто, еще есть, с кем бороться,
Еще есть, кому посылать проклятья,
Отпустите меня, вечного инородца,
Еще не забывшего странного слова "Братья".

Еще небо не пусто, не все еще выжгли ладаном,
Не все еще размотали, пропев канонном.
Гоните? Что же? Гоните, ладно!
Оно на проводе, на телефонном.

Еще небо не пусто? Как странно, право,
Еще не все разорвали, как старый хитон казенного,
В угоду политике, ненависти и славе
И бросили в пыль, под ноги народа сонного.

Еще небо не пусто, и я его пью, безумец,
С гвоздями звезд, подмешанными в закат,
А я еще брежу свободой в густой паутине улиц
И помню, что только любовь побеждает ад.

«Не печалься, друг...»

Не печалься, друг,
Я держу удар,
Обойдусь без водки, уймись!
Я еще храню
Твой крещенский дар,
Еще помню твое "крепись".

И судьба крепка,
Как чифирь с костра,
И не мне на нее роптать.
Вот моя рука,
Не дрожит пока
И не будет, поверь, дрожать.

«Государь мой, я здесь...»

Господин мой, я здесь,
и я не боюсь умереть...
Сергей Калугин

Государь мой, я здесь,
и я больше иным не служу,
За Тебя принимая
всех тех, кто венца не достоин,
И у ног Твоих, видишь,
смиренно оружие сложу,
Как мятежник, как раб,
побежденный в сражении воин.

Государь мой, я здесь,
так суди меня правым судом!
Завещание - бред,
все Твое от созвездий до тленья,
Я со всеми простился,
Твоею рукою ведом,
Я готов умереть,
даже, если не будет рожденья.

Ты сказал мне "пошли",

чуть коснувшись рукою плеча,
И слегка улыбнулся,
как солнце у края земного:
"Ты отдал мне свой меч,
только воин - ничто без меча,
Ты окончил войну,
но придется начать ее снова."

И мы шли вдоль обрыва,
и в небе клубилась гроза,
И сияла заря
фиолетово, ало, багрово.
"Кто же враг мой?" -
спросил я несмело и поднял глаза,
И ответ был безмолвен и четок
во взгляде суровом.

И с тех пор я ловлю этот взгляд
в белизне облаков,
Когда мечется сердце слепое,
и спрашивать поздно.
"Кто же враг Твой теперь?"
Да, я вечно один из врагов,
Государь мой, я здесь
у подножия лестницы к звездам!

«Мои друзья, как я, обречены...»

Мои друзья, как я, обречены
Остаться за бортом, свихнуться, выпасть,
Сейчас нормальным людям нет цены,
А вы для мира этого, как бисер.

Да, кто вас гонит высшего искать
Все мира и себя? Какого хрена?
А и найдете? На фиг эта кладь,
Чтоб было перед кем склонить колена?

Но, вы, я знаю, плюнете на всех,
Как не решилась я, как я когда-то,
И вниз, и вниз, по лестнице, что вверх
Уводит не боящихся расплаты.

Хроника горящего города

Я - летописец горящего города

С крыш изучаю пожар,

В бьющемся небе оранжевым сполохом

Выжжена смерти скрижаль.

Что за занятие? Списывай! Списывай!

Смейся безумцам внизу,

Что то беспечно, то мудро, то истово

Славят огонь и грозу.

Только, макая в чернила кипящие

Тлеющее перо,

Я еще помню, что это манящее,

Дивно прекрасное - зло!

Пламя мне лижет ладони униженно,

Тяжек и страшен зной.

Я ведь не шел на голгофу, ближние,

Выросшую подо мной!

«Ах, батюшка...»

Ах, батюшка! Зачем вам этот геморрой:
Духовно окормлять приبلудного поэта,
В его безумных снах и ад поет порой,
И явно Люцифер в соавторах сюжета.

В его белиберде, где ногу сломит черт,
Две мысли отыскать такая, право, мука,
Гоните же его, взашей, что вам еще
В его пустых словах да inferнальных глюках?

Ах, отче! Вы строги, вы морщитесь слегка,
Но стремно запретить, хоть это и морально,
Поэта только тронь - и будешь в дураках,
Ведь скажет кто-нибудь, что это гениально.

Упадок Рима

Упадок Рима. Сны благие
Давно не снятся старику.
Мы предаемся ностальгии,
Как утонченному греху.

Вино с водой, как звезды с дымом,
И губ презрительный изгиб,
Но помним мы, кто был любимым
И кто любил, и кто погиб.

Нас не отравит свет вечерний,
Не бойся, распахни окно:
На небо птицы тушью вчерне
Нанесены, и полотно

Чуть-чуть колышется от ветра.
Забудем смерть немого века,
Он умер. Умер и прощен.
Налей еще!

Герольд Великого Царя (Франциск Ассизский)

Ничуть не думая, что зря,
Что мир погиб во зле,
Герольд Великого Царя
Проходит по земле.

В его руке волшебный жезл,
На нем лоза и хмель.
Он нищ, но он богат, как Крез,
Гуляки веселей.

Он безоружен, но сильней
Разбойничьих ватаг,
Смирен и кроток, но смелей
Отчаянных вояк.

Его ограбят, оскорбят,
Он улыбнется вслед,
Кто светел, радостен и свят,
Тому и горя нет.

А впереди шумят моря,

Лежат поля, тихи,
И распевает друг Царя
Французские стихи.

«Молитесь же в Вальпургиеву ночь...»

Молитесь же в Вальпургиеву ночь
И ночь любви Иванову святите,
Горят костры, и ветры мчатся прочь
К очам Господним, тлеющим в зените.

Святым отцам я не целую рук,
Зато листву лесов - благоговейно,
В густой траве еще остался круг
От наших танцев, легких, как мгновенье.

Я не учу канонов и молитв,
Зато от песен небо веселится.
И знаешь: Он со мною говорит,
Подмигивая сполохом зарницы.

«Я пишу вольнодумные книги...»

Я пишу вольнодумные книги,
Не люблю и не знаю канон,
Не ношу под парчою вериги
И не чту чудотворных икон.

И одной только даме: Свободе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.